

ПОСВЯЩЕНИЕ

ЭЛИЗАБЕТ
ХЕЙЧ

СОСРІЯ

ПОСВЯЩЕНИЕ

ЭЛИЗАБЕТ
ХЕЙЧ

УДК 820-312(32)
ББК 88.6
Х35

Х35 **Хейч Элизабет**

Посвящение. Роман-откровение / Перев. с англ. —
М.: ООО Издательство «София», 2011. — 512 с.

ISBN 978-5-91250-788-5

Элизабет Хейч, Учитель Йоги и автор ряда известных книг, по многочисленным просьбам своих учеников написала книгу о своей жизни... вернее, о многих своих жизнях, и не только о них.

ПОСВЯЩЕНИЕ — совершенно особый вид автобиографии. Описание жизни женщины из высокообразованной европейской семьи сменяется воспоминаниями о многочисленных предыдущих воплощениях, среди которых исключительную роль играет ее жизнь в Древнем Египте. В книге подробно описываются разнообразные упражнения для телесного и духовного развития, практика концентрации и медитации, даются основные концепции *вечной философии*, элементы *священной геометрии* — нумерологии и астрологии — короче, все то, что нужно знать героине, прежде чем Птахотеф, верховный жрец храма, подвергнет ее последним испытаниям и *посвятит* в сокровенные тайны бытия. После прохождения всех испытаний *посвященные* должны провести остаток жизни в храме, направляя все свои усилия на одухотворение материи, помогая человечеству найти путь к Высшему Я — Богу. Успешно справившись и с этой задачей, *посвященные* переходят на иной план существования и больше никогда не возвращаются на Землю... но иногда происходит непредвиденное:

Элизабет Хейч вернулась...

Почему это произошло, вы узнаете из этой замечательной книги.

УДК 820-312(32)
ББК 88.6

© 1960 by Verlag Eduard Frankhauser

© «София», 2009

ISBN 978-5-91250-788-5

© ООО Издательство «София», 2009

Оглавление

ОТ АВТОРА	7
ПРЕДИСЛОВИЕ	9
1. ПРОБУЖДЕНИЕ	12
2. ЛЕВ И СВЕТ	23
3. МОИ РОДИТЕЛИ МНЕ «НЕ РОДИТЕЛИ»	27
4. «ВОСХОД ДОЛЖЕН БЫТЬ НЕ ТАКИМ»	34
5. Я ХОЧУ УДРАТЬ	39
6. НОСТАЛЬГИЯ ПО ЕДИНСТВУ	47
7. КРАСНЫЙ ЧЕЛОВЕК	50
8. МНЕ ЯВЛЯЕТСЯ БУДУЩЕЕ	54
9. ИСПЫТАНИЕ ЛЮБОВЬЮ	60
10. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА СО СМЕРТЬЮ	65
11. ПЕРВЫЕ КАРТИНЫ БУДУЩЕГО	70
12. ПРОШЛОЕ ПРОСЫПАЕТСЯ	73
13. ВТОРАЯ ВСТРЕЧА СО СМЕРТЬЮ	79
14. МРАК	84
15. ПОВОРОТНЫЙ ПУНКТ	91
16. БИТВА ЗА СВЕТ	98
17. Я ДАЮ ОБЕТ	115
18. ГОРИЗОНТ СВЕТЛЕЕТ	119
19. ВИДЕНИЯ	125
20. АЮРВЕДА	160
21. И БЫЛ СВЕТ	178
22. ПРОШЛОЕ СТАНОВИТСЯ НАСТОЯЩИМ	181

23. Он	191
24. Сыны БОГА	202
25. Годы подготовки	212
26. ДРЕВО ПОЗНАНИЯ ДОБРА И ЗЛА	230
27. ДВЕНАДЦАТЬ ПАР КАЧЕСТВ-БЛИЗНЕЦОВ	237
28. Львы	250
29. УПРАЖНЕНИЯ В ТЕЛЕПАТИИ	254
30. ВОСХОД СОЛНЦА И БУДУЩЕЕ	260
31. БО-ГАР И ЖЕЗЛ ЖИЗНИ	277
32. ИНСТРУКЦИИ ПТАХОТЕПА: СЕМЬ ОКТАВ ВИБРАЦИЙ И КОВЧЕГ СОГЛАСИЯ	286
33. ФОРМА ПИРАМИД: САТАНА	307
34. ЧЕТЫРЕ ЛИКА БОГА	327
35. ЭПОХИ ЗЕМЛИ	351
36. ПОСЛЕДНИЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ	365
37. ПОСВЯЩЕНИЕ	386
38. Я — ЖРИЦА	435
39. МЫ ВСТРЕТИМСЯ ВНОВЬ	443
40. Лев	457
41. ТУМАН И ПРОБУЖДЕНИЕ	466
42. Ру-Ка и двенадцать таблеток	479
43. ПОЯВЛЯЕТСЯ МОЛОДОЙ ЖРЕЦ	488
44. ИМА И БО-ГАР	493
45. ИСПЫТАНИЯ ПОВТОРЯЮТСЯ	499
46. ЗАКЛЮЧЕНИЕ	505

ОТ АВТОРА

Обращение исторической панорамы Египта отнюдь не входит в мои планы. Как правило, подавляющее большинство населения любой произвольно выбранной точки земного шара не имеет ни малейшего представления об отличительных особенностях места своего проживания, да и вряд ли задумывается над такими его этнографическими особенностями, как обычаи, язык и религия. Люди воспринимают все происходящее вокруг как нечто само собой разумеющееся. Человек — всего лишь существо, радующееся своим собственным удачам, обремененное собственными заботами и проблемами. И это можно сказать о каждом человеке, где бы и когда бы он ни жил; все истинно человеческое — постоянно и неизменно. Предметом этой книги является сам человек, а не этнографические или исторические изыскания. Вот почему в своем повествовании я намеренно использовала современные термины. Я не пыталась создать иллюзию «подлинной» атмосферы Древнего Египта при помощи слов, звучащих нарочито «по-египетски». Учение Верховного Жреца Птахотепа изложено *современным* языком, чтобы его могли воспринять *современные* люди. Для религиозных символов я также использую их современное звучание, чтобы каждый мог понять, о чем идет речь.

Современный человек лучше поймет меня, если я скажу «Бог», чем если я воспользуюсь для выражения той же идеи древнеегипетским словом *Пта*. Современный человек, услышав *Пта*, тут же скажет себе: «Ах да. *Пта* — древнеегипетский Бог». Нет! *Пта* вовсе не был «древнеегипетским Богом». Древние египтяне называли словом «Пта» то же *Начало*, которое мы называем словом «Бог». Или другой пример: *Сатану* они звали *Сетом*. Слова *Бог* и *Сатана* имеют для нас

совершенно иной смысловой оттенок, чем *Пта* и *Сет*. Современному человеку термины *Пта* и *Сет* кажутся пустыми и бессмысленными. Такие понятия, как *Слово Божье* или *Созидательный Принцип*, найдут в нашем сердце и разуме намного больший отклик, чем *Сокол-Гор*. Электричество тысячи лет назад было тем же электричеством, которое мы знаем сейчас, и атом также был известен, только назывался иначе. Все это я оговариваю сразу, чтобы Ты, читатель, уделил максимум внимания содержанию этой истории и чтобы Тебя не смущали термины, используемые мной в этой книге (например, когда Верховный Жрец говорит о *цепной реакции*). Повторяю, что намеренно избегала «древних» терминов, — мне кажется, этот прием «воспроизведения атмосферы античности» уже успел всем приесться.

С этого дня я стала понимать все отчетливее, что мои отец и мать не были моими настоящими родителями и что эта страна не была моим настоящим домом. Я знала, что мама не понимает меня, знала, что она не может *увидеть* меня. Я находилась в окружении чужих людей. Мама часто приходила в недоумение, когда я говорила вещи, казавшиеся мне совершенно очевидными. Иногда она так изумлялась моим словам, что бросалась к отцу, чтобы рассказать о тех «странностях», которые я говорю. Отца они тоже удивляли.

Я поняла, что для них это было что-то новое и чуждое. Позднее они пересказывали мои слова своим друзьям и родственникам, и все при этом дружно смеялись. «Что за странный ребенок!» — слышала я все чаще и чаще. Но себе я казалась вовсе не странной. Наоборот, странными мне казались окружавшие меня люди, в чьем обществе я чувствовала себя «чужачкой». Все мне казалось каким-то маленьким и бесцветным. Где-то в глубинах подсознания жило убеждение, что только *Он* может до конца понять меня. Мне очень хотелось жить в более просторных комнатах, где я чувствовала бы себя свободнее и где бы меня окружали люди, в чем-то сходные со мной.

Это ощущение «чужачки» не оставляло меня всю жизнь, наоборот, с годами я стала все отчетливее осознавать свое одиночество. Я пыталась установить контакт с окружающими — но тщетно! Мама же любила красиво высказываться о наших отношениях: «Ах, как это прекрасно иметь двух девочек, с которыми можно говорить обо всем и чувствовать, что между нами установилось полное доверие». Я пыталась установить подобные отношения с Грет, но та никогда не умела хранить секреты. Когда я говорила ей о том, что считала важным, та смотрела на меня сверху вниз, так как была на «три года старше», и тут же бежала выдавать матери мои маленькие тайны. Так что все попытки к сближению предпринимались только с одной стороны. Наконец я перестала искать с ней общий язык, и мы продолжали жить бок о бок и в то же время порознь, словно существа из разных вселенных. Все были мне чужими.

Время несло мимо семимильными шагами, и скоро мне исполнилось шесть лет. Мама повела меня в школу, и я попала в окружение детей. Но от этого чувство одиночества только усилилось. Все мои близкие любили меня, и я любила их всех. Любовь царила над нами, и в сравнении с ней все остальное оказывалось на втором плане. Вот почему там я чувствовала себя почти дома. Я привыкла к своим домашним. Но одноклассники — совсем другое дело. Они прекрасно понимали друг друга, а я казалась им какой-то ошибкой природы. Они постоянно удивляли меня, а я удивляла их. Они смеялись надо мной, и я чувствовала себя уязвленной. Они вечно хвастались тем, что им принадлежало, — ручками, карандашами, резинками, и каждый хотел иметь такое, чего не было ни у кого. Мне же все это казалось смешным и скучным. Меня интересовали лишь книги, сказки, музыка и музеи. Когда я говорила с детьми о своих увлечениях, у тех глаза лезли на лоб, и они задавали мне очень странные вопросы. Все они играли с куклами, шарами и обручами, тогда как я забавлялась призмами, которые отбрасывали разноцветные лучи, и магнитом, подаренным мне дядей Тони — еще одним братом матери. Это было так захватывающе! Магнит притягивал к себе все мамины иголки и намагнитил ножницы, так что мама должна была держать ножницы подальше от шитья — иголка то и дело прыгала к ним. Да, я все хотела узнать о силе, скрытой в магните. Наконец я решила, что магнит любит иглы и булавки так же, как мать любит своих детей, потому они и тянутся к нему. Разве не так я бросалась на шею маме с распростертыми руками? Да, точь-в-точь как игла к магниту! Мне казалось все это таким интересным, но остальные дети только смеялись надо мной. Я оставалась одна, совсем одна.

Той зимой я начала брать уроки музыки. Когда я играла на пианино пьесы, у меня неизменно возникало ощущение, что звуки музыки таят в себе те же формы, что и фигуры, сделанные дядей Томи из картона. Он называл их «геометрическими фигурами». Я научилась играть одну мелодию — при этом казалось, что маленькие кубики разлетаются по

всей комнате. Затем я научилась другой пьесе, производящей на свет остроконечные фигуры, по которым перекатывались маленькие шарики. Когда бы я ни ходила с матерью на прогулку в городской парк, меня всегда манило к фонтану — в его струях мне чудились пляшущие и прыгающие гномы и феи. Тут я поняла, что танец воды в фонтане *тоже был музыкой*. Я не слышала этой музыки, но я *видела ее*, знала, что *это музыка*. Все это для меня было чем-то само собой разумеющимся, но мои одноклассники смеялись, когда я рассказывала им об этом, и называли меня «тупицей». Даже не представляю почему!

Когда я впервые услышала, как школьники исполняют музыкальные произведения, меня как током ударило. Как, неужели они сами не слышат, как калечат геометрические фигуры?! Учитель сказал, что они сбиваются с ритма. По-моему, это их сердца сбивались с ритма. Неужели они не слышат, что играют неверно? Как это было ужасно, когда они брали не ту ноту! Это просто терзало мой слух, мне хотелось кричать, а они даже не замечали своих ошибок! Я с удивлением рассматривала своих одноклассников. Да у них что, ушей нет? Почему они так непохожи на меня? До сих пор мне казалось, что каждый ребенок, да и каждый взрослый мог видеть и воспринимать мир как я. Но вскоре я начала убеждать себя, что у всех остальных глаза и уши устроены *совсем не так, как у меня*. Именно по этой причине они относились ко мне как к маленькому чудовищу.

Итак, я оставалась в одиночестве, в полном одиночестве.

БИТВА ЗА СВЕТ

Я пыталась проникнуть в тот мир, но даже не представляла, с чего начать. Я чувствовала себя человеком, собравшимся покорить джунгли, вооружившись при этом лишь маленьким топориком, годным разве что рубить кустарник. Однако этот человек знает, что джунгли кишат опасными хищниками и ядовитыми змеями. Он знает также, что легко может заблудиться и свалиться в пропасть. И все же прокладывает себе дорогу, невзирая на все опасности.

Я не знала, какими опасностями чревато мое путешествие в неизведанный мир. Я не знала, что неведомые силы, кроющиеся в глубинах подсознания, бросятся на меня, словно дикие животные, что блуждающие огни будут то и дело уводить меня в сторону, что мне придется идти по самому краю бездны, имя которой — безумие. Все мое вооружение составлял лишь маленький топорик — обычный здравый смысл.

С чего же я должна была начать? Религия говорит о жизни вне этого мира, но каждый священник, с которым я заговаривала на эту тему, либо начинал блуждать в религиозных догматах, в которых, как правило, мало что смыслил, либо старался скормить мне сладкую сказочку о «Царстве Небесном», годную разве что для домохозяек.

Я же хотела сама узнать, что думали по этому поводу величайшие умы человечества. Поскольку я никогда не слышала о великих философах Востока, я начала изучать труды европейских мыслителей.

Прежде всего, я стала читать сочинения греческих и римских философов, переведенные на понятный мне язык. Меня пленили Сократ, Платон, Пифагор, Эпиктет и Марк Аврелий. Под влиянием этих великих мужей мой ум окреп и обогатился. Одна небольшая фраза Эпиктета, сияя, словно

факел во тьме, стала для меня вечным напоминанием о цели моего путешествия:

Ничто не бывает плохим само по себе — все дело в том, как ты это воспринимаешь.

Прочтя эту фразу, я попыталась изменить свое мышление, свою духовную позицию — *воспринимать вещи иначе!* И все же эти великие мысли не давали ответ на мой главный вопрос о жизни вне этого мира.

Затем я познакомилась с сочинениями более поздних философов: Канта, Шопенгауэра, Ницше, Декарта, Паскаля и Спинозы. Но ни один из них не дал мне того, что я искала. Я понимала, что все они зашли в своих рассуждениях так далеко, как только позволял человеческий разум, но они не пришли к конечной цели — к *единству*. Казалось, они даже дальше от этого, чем древние. Из современных философов Спинозе, пожалуй, ближе всех удалось подойти к истине. Но я постоянно чувствовала, что новые философы замкнулись в своем собственном разуме и потому зашли в тупик. Несмотря на созданные ими философские системы, они оставались одинокими, неудовлетворенными и, в сущности, несчастными людьми. Так как же могла я рассчитывать на их помощь в поиске великой истины иного мира? Они сами ничего не знали об этой истине и искали ее столь же отчаянно, как и я. Я стремилась к реальности — мне не нужны были слова.

Одним осенним днем я, стоя у окна с моим маленьким сыном, наблюдала за тем, как, прежде чем упасть на землю, медленно кружат в воздухе листья каштана. По привычке я стала думать о смерти: «Смерть, — говорила я себе, — везде смерть». И тут же я услышала, как во мне прозвучал какой-то новый голос: «Смерть? Да почему же смерть? Когда ты перестанешь видеть лишь одну сторону вещей? Что происходит с природой и с деревьями каждой весной? Жизнь! Жизнь и возрождение! Снова и снова жизнь. Жизнь и смерть сменяют друг друга в вечном цикле. Смерть — лишь иная сторона жизни».

В этот миг я увидела с предельной ясностью, что, как только осенью жизнь уходит из дерева, его сухие мертвые листья падают на землю. Да, сухие мертвые листья, всего лишь безжизненная шелуха. Жизненная же суть, исчезнувшая из листьев, сейчас затаилась в дереве, чтобы весной вновь возродиться в материальной форме. Все повторяется в вечном цикле! Дерево вдыхает и выдыхает жизнь, меняя внешнюю оболочку — листву. Сама же жизнь никуда не исчезает, так как жизнь есть вечное *существование*. Я увидела даже больше: источник вечного существования — люди называют его *Бог* — вдувает жизнь в людей, как это написано в Библии. Затем *Бог* вдыхает воздух жизни в себя, и люди, из которых уходит жизнь, падают, словно пустая шелуха. Но жизнь на этом не завершается — она одевается в новую телесную оболочку и вновь возвращается к существованию. Все подчиняется определенному ритму — от планет, обращающихся на своих орбитах, до пульса и дыхания живых существ.

И вдруг я вспомнила тот момент, когда шестилетней или семилетней девочкой, впервые услышав о смерти, я застыла перед зеркалом, изучая собственное отражение и пытаюсь найти в нем нечто незримое. Даже тогда я не могла представить, что наступит день, когда я должна буду умереть, когда я перестану существовать. Я пыталась отыскать «себя», ту, которая думает обо всем этом и не хочет умирать. Я все приближала и приближала свое лицо к поверхности зеркала, пока нос не коснулся стекла. Я смотрела в свои глаза с самого близкого расстояния, желая увидеть, где находится «я». И хотя в каждом глазу было по черной дыре, даже сквозь них я не смогла обнаружить «себя». «Я» оказалось невидимым. А ведь я всегда считала себя невидимой — с тех пор, как во мне зародилось сознание. Даже в зеркале я не могла увидеть себя — там отражалась лишь лицо, *моя маска*, да еще две черных дыры глаз. И я поняла совершенно определенно: «Я» просто не может *перестать существовать*.

— Ладно, — сказала я сама себе, стоя перед зеркалом, — но через что ты будешь смотреть на мир, когда эти глаза закроются?

— Итак, ты был отцом нескольких детей? А где же вы все жили?

Мой сын взял бумагу и карандаш и уверенными штрихами изобразил круглую хижину с отверстием в крыше для дыма. Я знала наверняка, что прежде он нигде не мог видеть подобной хижины. Перед входом он изобразил фигуру голой женщины с длинными висящими грудями. Рядом с хижинкой он нарисовал водоем с волнами, на берегу которого росли пальмы.

— Мы жили вот в такой хижине, — стал объяснять он, показывая мне рисунок, — каждый строил себе дом сам. И лодку каждый из нас мастерил сам — мы выдалбливали их из стволов деревьев. Рядом еще текла большая река, но мы боялись заходить на глубину, потому что там жило чудовище. Я не помню, какое именно чудовище, но оно отгрызало ноги тем, кто заходил в реку.

Понимаешь теперь, почему в прошлом году я все время кричал и плакал, когда ты пыталась затянуть меня в воду? Мне все время казалось, что тот, кто живет под водой, ухватит меня за ногу. Я и сейчас этого немного побаиваюсь, когда хожу купаться. Но только теперь я знаю, что там нет ничего страшного. А помнишь, мама, как в прошлом году я хотел погрести, когда мы купили лодку? Ты еще сказала, что мне рано садиться за весла, что нужно еще научиться грести. Но я умел грести! Я помнил, как ловко я управлялся со своим выдолбленным каноэ, оно было словно часть меня самого. Я даже умел переворачиваться вместе с ним и снова восстанавливать правильное положение.

А помнишь, как ты наконец согласилась дать мне погрести и как все вы удивились, что у меня это так ловко получается? Я мог грести даже одним веслом! Мне было трудно грести двумя веслами — мои руки оказались для этого слишком маленькими. Но зато как здорово я управлялся одним веслом! Я не столкнулся ни с одной чужой лодкой, не задел ни одного купальщика! О, со своим каноэ я мог вытворять все что угодно! Посмотрела бы ты тогда на меня! А деревья там были совсем не такие, как здесь. Они были вот такие, —

он ткнул своим коротеньким пальчиком в рисунок, — и там было множество других растений. Видишь, вот здесь я охочусь на большую птицу, а рядом — моя хижина.

Его рисунок довольно точно отображал тропический пейзаж с пальмами и прочей южной растительностью. Фигура негра символизировала его самого, вот только шляпа показала мне подозрительной. Она была похожа на фетровую, вроде тех, какие носят современные белые мужчины. Я не хотела волновать его или будоражить его воображение, поэтому стала задавать вопросы с большой осторожностью. Он никогда не видел голых женщин — разве что на картинах, — но на картинах женщин с обвислыми грудями обычно не изображали.

— Почему ты нарисовал свою жену с такими длинными висящими грудями? — спросила я.

Мальчик поднял на меня удивленные глаза и тут же ответил:

— Да потому, что у нее были такие груди. И они совсем не безобразные! Она очень красивая женщина! — прибавил он с гордостью.

Эта последняя фраза окончательно убедила меня в том, что мой мальчик говорит от своего имени, а не с чьих-то чужих слов. Он никогда не ходил в кино и никогда не читал книг об Африке. Откуда же взялась эта идея, что женщины с длинными вислыми грудями красивы? Наш идеал красоты совершенно другой.

— Какую же последнюю вещь ты помнишь? — спросила я.

— Помню, как ко мне стал приближаться лев. Я бросил в него копье, но это не остановило его. С копьем, торчащим из груди, он прыгнул на меня. Больше я ничего не помню.

— Да, все это очень интересно. Вполне возможно, ты жил прежде, и все это действительно произошло. Но сейчас ты здесь. Не думай больше о прошлом, думай о том, что происходит сейчас. Мне ты можешь рассказывать обо всем, но не говори другим о своих воспоминаниях.

— Да, мама, — ответил малыш, — я и сам знаю это. Взрослые считают, что мы, дети, чокнутые. Они всегда смеются над нами. Но как ты думаешь, что случилось с моей женой и детьми?

— Я ничего не могу сказать тебе об этом. Но не забывай, что все проходит. Только любовь вечна. И любовь приведет тебя к ним в этой жизни.

— О, это было бы здорово! — воскликнул малыш и побежал снова играть с другими детьми.

Я взяла рисунок и вложила его в дневник, который стала вести с первого дня появления на свет моего сына. Я больше никогда не спрашивала его об этих воспоминаниях. Мне не хотелось стимулировать его воображение, но в то же время я боялась, что он может потерять их.

Стоило ли возвращаться к этому? Я знала, что он не мог читать книг об Африке. Мне был известен каждый его шаг. И сейчас я вспомнила, что меня действительно удивило то, что, несмотря на всю его природную храбрость и даже склонность к браваде, он отчаянно вырывался и кричал, когда мы пытались затащить его в озеро. Тогда я даже испугалась, что он сорвет себе горло. Мне пришлось спокойно втолковать ему, что он может присоединиться к остальным, что в воде ему ничего не будет грозить. Только тогда он позволил мне зайти в воду, держа его на руках, но все же заставил меня дать обещание, что я не спущу с него глаз ни на мгновение. На следующий день все повторилось: он вырывался и кричал, когда его пытались затащить в воду, и лишь мне позволил внести его туда на руках. Постепенно он преодолел свой страх и стал чувствовать себя в воде совершенно естественно. Эта беседа напомнила мне о том, как в своем раннем детстве (в возрасте четырех-пяти лет) он рисовал картины вместе со своей маленькой кузиной. Кузина всегда изображала розовые личики, он же всегда раскрашивал лица персонажей своих картин темно-коричневой краской. Когда я однажды сказала, что лица не должны быть такими темными, малыш ничего не ответил и упрямо продолжал рисовать шоколадные лица.

Многие западные врачи приходили к нам, чтобы любым путем выведать у нас секреты. Мы же видели, что им нужны эти секреты лишь для того, чтобы разбогатеть, потешить свое тщеславие и завоевать известность. Как это ни печально, но известны факты, когда иностранцы, приехавшие в нашу страну, чтобы выведать тайны ремесла, подвергали наших врачей, практикующих Аюрведу, жестоким пыткам. С тех пор иностранцы просто «перестали встречать» здесь знатоков Аюрведы — ведь ни один индийский врач, дорожащий своей жизнью, не станет признаваться чужаку, кто он такой. Нам пришлось надеть маски и изображать из себя «таинственных жителей Востока». За этот урок мы заплатили высокую цену.

И все же я могу сказать тебе, что за многие годы к нам приходили и такие иностранцы, побуждения которых были возвышенны и бескорыстны. Они давали обет *брахмачарьи* (воздержания) и оставались с нами. Они становились посвященными, но, как и мы, хранили свое знание в тайне. Когда человечество достигнет в своем развитии такого уровня, что большинство врачей будут способны отказаться от своих сексуальных запросов ради возможности исцелять других, индийские врачи, практикующие Аюрведу, с удовольствием поделятся с ними своими знаниями. Но до сих пор люди, живущие на Западе, умели применять все свои изобретения лишь во вред друг другу. Возьми, к примеру, динамит или аэропланы. Как люди Запада пользуются всем этим? Они превратили эти изобретения в новое оружие! А что будет, если они узнают законы космической или иных, еще более высоких энергий? Они обязательно придумают, как воспользоваться ими, чтобы еще эффективнее истреблять друг друга и наживаться на этом! Война — это бизнес! А кому нужен такой бизнес? Почему люди гонятся за наживой, забыв обо всем на свете, лишь бы получить неограниченные возможности для удовлетворения своего полового инстинкта и потворствования собственным извращениям? А ты спрашиваешь, почему мы не открываем секретов западным врачам! Да они просто теряют интерес к любым секретам, когда слышат,

что в уплату за это им придется укротить свою похоть. Они даже не верят, что за такую цену смогут открыть тайны жизни. Для них намного проще перестать думать об этом и потешаться над «смешными азиатами».

Большинство иностранцев, приезжающих в нашу страну, думают, что высшее земное счастье заключается в удовлетворении полового желания. Откуда могут знать они, никогда не стремившиеся к духовности, о той громадной силе, которой владеет высокодуховная личность? Эта сила не может быть обретаема при помощи денег или власти. Цена ей — самоотречение. Но люди, заплатившие эту цену, понимают, что им *ни от чего не нужно отказываться*.

Напротив, они открывают для себя источник бессмертного счастья в земле смертных. Можно ли мечтать о лучшей сделке? Но сейчас мы не будем обсуждать подобные вопросы. Они не поддаются постижению посредством ума.

Дух невозможно понять. Его можно лишь воспринять. Человек может быть лишь духом. Мы не против того, чтобы люди Запада шли путем разума. Они уже достигли многого на этом пути и достигнут еще большего. Но «высшая истина» всегда будет недостижима для человека, избравшего путь разума, ему не постичь блаженства чистого *существования*, к которому ведет дорога самоотречения. Люди Запада сделали из индийского йога героя комиксов. Тебе все еще непонятно, почему *посвященные* не открывают секретов твоим соотечественникам?

Я рассказал тебе обо всем этом лишь потому, что увидел — твой интерес к нашей науке вызван отнюдь не корыстью, а глубоким духовным поиском. Ты ищешь истину. Ты ищешь Бога! Мы всегда готовы помочь таким людям. Я дам тебе один совет: если хочешь заглянуть поглубже в тайны человеческой жизни и продвинуться по пути духовного развития — *практикуй йогу!*»

Затем индийский доктор стал объяснять, что на протяжении тысяч лет жители Востока изучали и совершенствовали различные методы, с помощью которых можно достичь *нирваны* — состояния полного счастья, великого блажен-

ства. Эту цель несет в своем сердце каждый человек, независимо от того, на каком уровне находится его сознание. Дверь открывается любому, нашедшему ключ.

И этот ключ — *Йога!*

Врач-индус также рассказал нашему другу, что любое действие, выполненное с предельным сосредоточением, является *Йогой*. Так что единственный путь, ведущий к достижению *Великой Цели*, — полная концентрация сознания. Благодаря систематической практике некоторых техник *Йоги* мы можем значительно улучшить свою способность к концентрации.

Эти методы совершенствовались на протяжении тысячелетий. В *Йоге* существуют различные способы концентрации — физический, ментальный и духовный. *Йога* помогает развить высшие способности человека — открывает духовное зрение и духовный слух, учит человека управлять собой, своими творческими силами, позволяет стать хозяином своей судьбы. Путь к *нирване* открыт, или, если выразиться иначе, открыта возможность реализовать себя — постичь Бога! Наивысший, но и труднейший путь в *Йоге* называется Раджа-Йогой. «Раджа» означает «царь», и если перевести этот термин буквально, мы получим «царскую йогу» или «царственную йогу». Это — самый короткий путь, но в то же время самый крутой и ухабистый. Этому пути учил людей Иисус, и это учение изложено в Библии. При должном терпении и упорстве человек достигает цели.

— Индийский врач продемонстрировал мне основные упражнения *Йоги*, — продолжал школьный товарищ моего мужа, — это те самые упражнения, которым я обучил тогда тебя. Затем он пообещал познакомить меня с величайшим из ныне живущих йогов. Я пришел к этому человеку. Ему было больше восьмидесяти лет, но я бы не дал ему и сорока. Он практиковал *Хатха-Йогу*. Йогам известны все секреты человеческого тела. Они способны поддерживать телесное здоровье, если захотят, в течение нескольких сотен лет. Индусы утверждают, что в горах по сей день живут йоги, которым сейчас не меньше семисот-восьмисот лет.

Как сотрудник великого проекта, ты должна научиться принимать все, что приносит судьба. Твоя ценность определяется не внешними обстоятельствами, а тем, насколько полно проявляется через тебя *Бог*. Мирские неудачи и даже унижения не могут уменьшить твое внутреннее богатство. Но и мирская слава не в состоянии умножить его. Бранят тебя или превозносят до небес — ты остаешься тем же человеком. Учись принимать все, что несет тебе судьба, с полной безмятежностью. Требуется ли осуществление великого проекта жить в нищете и забвении или купаться в славе и роскоши — относись ко всему как к *средству достижения великой цели*. Ничто не должно изменить твоего отношения к жизни. Принимать все *таким образом* — поистине божественное свойство. Но с другой стороны, ты должна быть способна решить, когда тебе, как *сотруднице великого проекта*, следует защищаться от унижений и злословия. Также ты должна почувствовать, когда следует проявить скромность, и избегать прославления невежественной толпой. *Способность принимать все* не должна означать безразличия и бесхарактерности.

Всегда выбирай лучшее и не удовлетворяйся худшим. Ты всегда должна быть способна отличить прекрасное от безобразного, хорошее от плохого, истинное от фальшивого, божественное от дьявольского. Без способности отличать и сравнивать человек не может стать полноценным сотрудником великого проекта.

Если хочешь быть полезной, ты должна уметь *сражаться* с полной самоотдачей. Чтобы истина вернулась на Землю, ты мечом истины должна изгнать тень ошибки. Но твое благородное и бесстрашное *желание сражаться* ни в коем случае не должно обратиться в злобную сварливость. И хотя тебе придется проявить отвагу, никогда не забывай, что ты сражаешься духовным оружием, чтобы принести мир на Землю. Ты сражаешься, чтобы вернуть единство всему, что было разорвано на части, чтобы вернуть мир всем воюющим сторонам. Но твое *миролюбие* никогда не должно превращаться в трусливый *страх перед сражением*.

Тот факт, что тело богочеловека способно вынести не только высшие божественные энергии, но и трансформированные вибрации остальных октав, свидетельствует о том, что в природе должна существовать форма материи, способная принимать и проводить сквозь себя как высшие божественные энергии, так и трансформированные вибрации низших октав, не *подвергаясь дематериализации*. Итак, Сыны Бога изобрели на своей родине материал (особый вид латуни), из которого стали изготавливать приборы для накопления и излучения высших творческих энергий, усиливая или ослабляя их в зависимости от цели. Эти приборы сконструированы таким образом, что способны сохранять творческую энергию в первозданном виде. Вот почему они могут действовать как источник божественной силы — как сама жизнь. Поскольку высший из этих приборов, несущий в себе и излучающий созидательную энергию, символизирует идеальный союз между *Богом и Землей*, его назвали «*Ковчегом Согласия*».

Теперь ты должна понимать, почему мы храним эти приборы в тайне. Только богочеловек может свободно обращаться с подобным прибором, не опасаясь последствий, так как Ковчег Согласия хранит в себе и излучает те же силы, что и он. Если же к Ковчегу притронется обычный человек, он тут же упадет замертво, как пораженный молнией. Божественные энергии сожгут его нервы. *То же самое может произойти, если энергия, заключенная в позвоночнике живого существа, внезапно освободится в нетрансформированном виде и поразит его нервную систему*. В таком случае любой человек и животное немедленно погибнет. Подобную смерть люди называют «ударом». Они чувствуют, что какая-то незримая сила поражает организм словно молния. Эта сила подобна реке жизни, изолированной в позвоночном столбе или в центральных каналах растений. Обычно она протекает через тело в трансформированном виде. Она вырывается наружу только во время болезни и причиняет «удар».

Вот почему непосвященные не допускаются к нашим приборам. Более того! Поскольку наши приборы излучают

мощную энергию, мы изолируем их — храним за толстыми каменными стенами. Жизненная сила может оказаться смертельной, если она поражает форму материи, не обладающую достаточной сопротивляемостью. Тогда материя уничтожается, растворяется.

Ковчег и другие приборы сделаны из материала, способного удерживать заряд божественной созидательной энергии. Ковчег излучает эту энергию в нетрансформированном виде, а она способна *в зависимости от дозы, как давать жизнь, так и убивать*. Эта сила обладает вибрациями такого же рода, что и человеческая воля, способная противостоять (хоть и короткое время) силе земного притяжения. Ковчег согласия излучает ту же энергию, но усиленную в тысячи раз. Земля притягивает к себе предметы благодаря силе гравитации, мы же способны воздействовать на эти предметы силой, заключенной в Ковчеге Согласия, преодолевая земное тяготение и делая их невесомыми сколь угодно долго. Более того, мы можем оказывать на эти же предметы противоположное воздействие — усиливать влияющее на них тяготение посредством направленных лучей ультраматерии. Таким образом, мы возводим высочайшие строения с невероятной легкостью — делаем невесомыми огромные каменные глыбы, чтобы без усилия поднимать их на любую высоту, или придаем камням такой вес, что они тут же оседают под собственной тяжестью. Например: мы хотим вырыть колодец, но не хотим копать землю. Тогда мы выбираем камень нужного размера и придаем ему такой вес, что он погружается в землю на нужную глубину.

При помощи Ковчеха Согласия — этого сверхмощного источника энергии — мы можем превращать нематериальные вибрации (например, лучи света) в материю. Или наоборот, можно растворить материю и превратить ее в энергию, сохраняющую свой потенциал многие тысячелетия.

Наша культура оставит после себя множество вещей, которые покажутся необъяснимыми будущим поколениям. Например, люди никак не смогут понять, каким образом нам удавалось безупречно полировать поверхность самых твер-

дых камней. Камни эти прилегают друг к другу настолько плотно, что между ними не остается и щели толщиной с волосок. Потомки еще долго будут ломать себе голову над тем, как сумели справиться со всем этим «рабы», действуя лишь «голыми руками». Сыны человеческие, порабащавшие себе подобных, не смогут даже вообразить, что мы обходились без рабов, а просто дематериализовывали наружные слои камня таким образом, что его поверхность становилась зеркально гладкой. Мы приспособили свои инструменты для любых работ и можем легко выбирать толщину обрабатываемого слоя. Ты поймешь это, когда начнешь постигать природу различных энергий, в том числе и энергий материи. Но с этим может иметь дело лишь *посвященный*, которому также известно, что *любовь означает жизнь, а ненависть означает смерть*. И лишь высшие из *посвященных* могут быть архитекторами. Для того чтобы работать с рабами, не нужно быть посвященным! Мы же работаем с силами природы.

При помощи этих инструментов мы способны создать любую форму проявления. Проявление зависит лишь от того, как долго и с какого расстояния действует созидательная энергия. Сыны человеческие воспринимают как должное тот факт, что, явившись в храм, они тут же исцеляются от болезни. *Болезнь означает, что вибрации тела стали дисгармонировать между собой*. Мы восстанавливаем нарушенную гармонию, и человек вновь начинает чувствовать себя хорошо. Каждый орган обладает своей особой вибрацией, поддерживающей его в хорошей форме. Когда частота вибраций изменяется, соответствующий орган начинает страдать.

Мы также можем влиять на погоду — разгонять облака или, наоборот, вызывать дождь. Когда сыны человеческие видят, как небо затягивается тучами, и слышат раскаты грома, они радуются в ожидании благословенного дождя, омывающего землю. Они чувствуют себя вполне благополучно, зная, что жрецы храма заботятся обо всем: об их здоровье, о дожде и даже об их духовности.

— Отец Души моей, — говорю я, — каким образом ты заражаешь Ковчег Согласия созидательной энергией?